

18 ноября 2025 года Отдел русской классической литературы ИМЛИ им. А.М. Горького (зав Отделом — главный научный сотрудник института, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН *Екатерина Евгеньевна Дмитриева*) проводил круглый стол, посвященный 225-летию со дня рождения Евгения Абрамовича Боратынского (Баратынского). Участникам было предложено в свободной форме обсудить следующие актуальные вопросы жизни и творчества поэта:

1. Аспекты биографии: родственные и дружеские связи, учителя и наставники; творчество потомков поэта; мемуарная литература о Баратынском;
2. Творческая, цензурная история и проблемы издания текстов; современное состояние библиографии творчества Боратынского;
3. Проблемы поэтики: жанр, стиль, стих, композиция прижизненных сборников и др.;
4. Боратынский и русская литература XVIII–XXI вв.: многообразие форм творческого взаимодействия;
5. Поэзия Боратынского в контексте диалога с западноевропейской традицией;
6. Проблемы осмысления поэзии Боратынского в отечественной литературной критике и литературоведении XIX–XXI веков;
7. Жизнь и творчество Боратынского в практике музейного сообщества.

В начале круглого стола к собравшимся с приветственным словом обратилась заместитель директора ИМЛИ по научной работе, главный научный сотрудник института, доктор филологических наук *Юлия Владимировна Шевчук*. Она охарактеризовала всю сложную историю осмысления творческого наследия Боратынского в отечественной критике и литературоведении, особо выделив вклад ученых ИМЛИ, и в заключение наметила ряд направлений научной мысли, важных с точки зрения перспектив изучения жизни и творчества поэта, тем самым задав тон всему научному собранию. После нее к участникам круглого стола обратился *Александр*

Анатолий Сахно, заместитель директора музея-заповедника «Усадьба “Мураново”» по научной работе. В своем выступлении он подчеркнул вклад работников музея-заповедника Мураново и других музейных центров России (Казань, Тамбов) в собирание, хранение и изучение бесценных архивных материалов, артефактов и реликвий, связанных с жизнью и творчеством Боратынского, а также подчеркнул необходимость объединения и синхронизации усилий музеев в том, чтобы эти материалы как можно скорее внедрялись и в практику научных исследований, и в процесс музейной работы.

Первой слово для доклада **«Пушкин и Боратынский: заметки к теме»** было предоставлено ведущему научному сотруднику Отдела, доктору филологических наук *Ирине Захаровне Сурат*. Во вступлении она представила общий обзор темы «Пушкин и Боратынский» и подвела основные итоги ее изучения. Специальному рассмотрению был подвергнут эпизод творческих и личных взаимоотношений Пушкина и Боратынского в связи с подготовкой альманаха памяти А. Дельвига «Северные цветы» на 1832 г. В этой связи был проведен детальный сопоставительный анализ стихотворений «Бывало, отрок звонким кликом...» Боратынского, «Эхо» Пушкина, «Рифма» Пушкина, «Рифма» Боратынского. На ряде примеров докладчица показала, что два «поэта мысли» параллельно разрабатывали сходные темы, что Боратынский в ряде поздних стихотворений учитывал опыт Пушкина и вел с ним поэтический диалог «на воздушных путях». В заключение докладчица наметила направления дальнейшей разработки темы «Пушкин и Боратынский».

Одно из направлений темы «Пушкин и Боратынский», поднятой И.З. Сурат, реализовала в своем докладе старший научный сотрудник Отдела *Людмила Владимировна Дерюгина*. В своем докладе **«”Стрелялись мы...” Отголоски тем Баратынского в произведениях болдинской осени Пушкина»** она акцентировала внимание на эпиграфе к повести «Выстрел», который Пушкин взял из поэмы Боратынского «Бал» («Стрелялись мы...»), заменив им записанное предварительно в черновике «Теперь сходитесь...» из шестой главы «Евгения Онегина». Своей предшественницей в осмыслении

этого важного эпизода в творческой истории «Выстрела» докладчица назвала М.Н. Виролайнен, которая в статье к изданию поэм «Бал» и «Граф Нулин» в серии «Литературные памятники» представила картину истории создания и публикации этих поэм, тесно связав ее с работой Пушкина над завершающими главами романа «Евгений Онегин». Л.В. Дерюгина обратила внимание на заключительный вывод Виролайнен: «К повести “Выстрел”, написанной той самой Болдинской осенью 1830 г., когда завершалась работа над восьмой главой “Онегина”, Пушкин взял эпитафию из “Бала”: “Стрелялись мы”. Как кажется, это была, кроме всего прочего, метафора творческих отношений Пушкина и Баратынского. Речь не идет, разумеется, о желании оспорить литературную репутацию противника, о поэтической ревности или тем более — о зависти. Речь идет о том поэтическом соревновании, при котором один текст отвечает другому, иногда — полемической репликой»¹. Весь доклад Л.В. Дерюгиной, по сути, являлся развитием этого вывода исследовательницы. Переключки с Боратынским она выявила не только в «Выстреле», но и в других повестях цикла, наметив поле широких контекстуальных пересечений смыслов как развивающего, так и полемического характера (часто одновременно и того, и другого).

Следующий доклад **«Об одной библейской реминисценции в стихотворении Е.А. Боратынского «Что за звуки? мимоходом...»**, сделанный кандидатом филологических наук, научным сотрудником ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) *Вениамином Тимофеевичем Золотухиным* (недавно успешно защитившим кандидатскую диссертацию по жанровой поэтике сборника Боратынского «Сумерки»), открывает еще одну важную тему, затронутую участниками круглого стола. Это — библейские подтексты лирики поэта. Так, в анализируемом тексте докладчик к числу библейских аллюзий, которые ранее были отмечены в научной литературе, добавляет и свои, не

¹ Виролайнен М.Н. Творческая история двух стихотворных повестей // Две повести в стихах. Е.А. Баратынский. Бал. А.С. Пушкин. Граф Нулин. СПб., 2012 (Литературные памятники). С. 200–201.

менее значимые. По его мнению, образ псов, «обставших» страдающего певца, является реминисценцией, почти цитатой из ст. 17–18 псалма 21. В переводе «Российского библейского общества», сделанном в первой половине 1820-х гг. и многократно переизданном, эти стихи читаются так: *«Окружили меня псы; толпа злых ходит вокруг меня; пронзили руки мои и ноги мои. Я мог бы перечесть все кости мои. Они смотрят и делают из меня зрелище»*. Тезис о лирической природе псалмов Давида был общим местом в русской эстетической мысли начиная с середины XVIII века. В «пиитиках» второй половины XVIII — первых десятилетий XIX века определение «лирический» связывалось с музыкой и пением, поскольку получало этимологическую (и историческую) интерпретацию — через связь с *лирой* или подобными ей струнными инструментами: в частности, с псалтирью, то есть с музыкальным инструментом под названием «псалтирь». Это напрямую соотносится как с буквальным содержанием рассматриваемого стихотворения, в котором речь идет о певце, так и с его формой: оно написано песенным размером — четырехстопным хореем (ср. тексты «Бокал», «Были бури, непогоды...», «Здравствуй, отрок сладкогласной!..», «Последний Поэт» в книге «Сумерки»). Эти наблюдения позволили докладчику сделать ряд важных уточнений и в трактовке смысла финала стихотворения.

Размышления В.Т. Золотухина продолжил *Владимир Леонидович Коровин*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне (КНР). В его докладе **«О библейских подтекстах в лирике Е.А. Боратынского и стихотворении “Недоносок”»** речь шла о т. н. «литературе премудрости», более актуальной для Боратынского, чем исторические книги Библии или даже Книга псалмов. В отличие, например, от аллюзий на Книгу Иова, выявленных и осмыслявшихся в научной литературе (их глубокое объяснение есть, в частности, в работах С.Г. Бочарова), подобные библейские подтексты лирики Боратынского еще не обсуждались. Так, программная характеристика собственной поэзии, данная Боратынским в

стихотворении «Муза» («Не ослеплен я Музою моею...», 1829), не случайно напоминает об образах Премудрости и ее соблазнительной для юношества антагонистки в Книге Притчей (гл. 7–9) (в первой опубликованной редакции сказано, что «свет» с его Музою, «может быть, скушает обхождением», что, кажется, вызвало отклик Пушкина: в начале восьмой главы «Онегина», говоря о превращениях своей Музы, в одном случае он описывает ее как антагонистку Музы Боратынского). О поучениях Премудрости напоминает речь героини стихотворения «Истина» («О счастии с младенчества тоскуя...», 1823), чьи уроки поэт принимает, однако со скорбью и не без сопротивления (потом это станет ведущим мотивом в его стихах о мудрости, приобретаемой в жизненных опытах). К актуальному контексту «Недоноска» относится фрагмент из Книги Екклесиаста о том, кто не пользуется благами бытия (гл. 6, ст. 1–6).

Доклад *Алины Сергеевны Бодровой*, кандидата филологических наук, доцента Школы филологических наук НИУ ВШЭ (Москва), доцента Департамента филологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, старшего научного сотрудника ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), открывает серию выступлений о творческом диалоге Боратынского с русскими и зарубежными поэтами. В самой формулировке темы **«К уточнению литературной позиции Е.А. Боратынского в середине 1820-х гг.: Боратынский и Байрон»** содержится принципиальная для докладчицы установка пересмотреть сложившееся в исследовательской традиции представление о незначительности влияния Байрона и байроновских текстов на Боратынского, его поэтику и самоопределение в разные периоды творческой биографии. Суммировав наблюдения предшественников над реминисценциями из Байрона в сочинениях Боратынского (упоминания Байрона в стихотворениях «Не подражай: своеобразен гений...» и «Дядьке Итальянцу», отражение «Lines Inscribed Upon a Cup Formed from a Skull» в «Черепе», реминисценции из «The Darkness» в «Последней смерти», переключки с «Паломничеством Чайльда-Гарольда» в «Риме» и «Небо Италии, небо Торквата...»; вероятный байроновский след в «Алкивиаде», отдельные байронические черты в поэмах),

А.С. Бодрова дополнила ряд обращений к Байрону как в биографическом, так и в литературном плане. Так, из неопубликованных писем Н.Л. Боратынской времени заграничной поездки выясняется, что по просьбе семьи Путят Боратынские искали в Париже и Неаполе бюст Байрона. Ряд литературных реминисценций из творчества английского поэта, по мнению докладчицы, может дополнить вероятное обращение к одной из сцен длинного стихотворения Байрона «Сон» («The Dream») в знаменитой элегии Боратынского «Признание». К Байрону, прочтенному Боратынским, по всей видимости, во французском прозаическом переводе А. Пишо, может восходить лирический сюжет брака без любви. Кроме того, еще более байроновским текстом можно считать «Последнюю смерть», в которой докладчица, вслед за И.М. Семенко и И.Л. Альми, предложила видеть отражение не только байроновского стихотворения «The Darkness» (в русских переводах озаглавленных «Мрак» или «Тьма»), но и все того же «Сна», переклички с которым содержатся в начальных строфах «Последней смерти». Обращения Боратынского к Байрону в середине 1820-х гг. подчеркивают и специфику его литературной позиции — стремление увидеть в «субъективном» и «однообразном» гении английского поэта большую философскую глубину, которую Боратынский начинает культивировать и в собственной поэтике второй половины 1820-х гг.

Доклад *Марии Марковны Гельфонд*, доцента департамента литературы и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ — Нижний Новгород **«Еще раз о Боратынском и Мандельштаме (по материалам архива Н.Я. Мандельштам)»** был посвящен описанию маргиналий, сделанных Н. Я. Мандельштам на принадлежавшем ей томе Боратынского (серия «Библиотека поэта», 1957, сохранился в библиотеке Ю.Л. Фрейдина, сейчас хранится в Мандельштамовском обществе). Сделанные Н.Я. Мандельштам пометы отчасти позволяют прояснить некоторые вопросы, связанные с рецепцией Мандельштамом поэзии Боратынского. Предпринятый Н. Я. Мандельштам опыт прочтения Боратынского оказывается чрезвычайно ценным в двух

аспектах. С одной стороны, он действительно дает возможность увидеть, как О.Э. Мандельштам читал Боратынского — и в этом плане подтверждает множество исследовательских догадок (прежде всего, в отношении стихотворений Боратынского «Поцелуй», «Череп», «Богдановичу», «Последняя смерть», «Мой дар убог и голос мой не громок», «Бесенок», «Подражателям», «Запустение», «Последний поэт», «Еще как патриарх не древен я. Моей...», «Когда твой голос, о, поэт...», «На посев леса», «Пироскаф»). С другой стороны, он в значительной степени открывает нам характер чтения Н.Я. Мандельштам, обнажая такие его свойства как тотальность (не пропущено буквально ни одного стихотворения), независимость (отсутствие помет на вступительной статье и комментариях) и субъективность. Маргиналии на полях книги Боратынского носят одновременно биографический и комментирующий характер — и в этом плане перед нами действительно издание Боратынского, прочитанное и О.Э. Мандельштамом, и Н.Я. Мандельштам.

Во вступлении к своему докладу **«Поэзия мысли: от романтизма к современности»** доктор филол. наук, профессор кафедры русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотр. ИМЛИ им. А.М. Горького *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* обратила внимание участников Круглого стола на выпущенную под ее редакцией издательством «Нестор-История» в 2023 г. коллективную монографию «Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского» (это шестой выпуск серии «Русская литература и философия: пути взаимодействия», основанной в 2018 г. в ИМЛИ РАН в рамках работы по одноименному гранту РНФ; в монографию вошли материалы международной научной конференции «Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского»). Далее докладчица сосредоточилась на анализе стихотворения Боратынского «Скульптор», которое, с ее точки зрения, нужно рассматривать именно как пример «поэзии мысли», а отнюдь не любовной или антологической лирики. Обращение к мифологическому сюжету о Пигмалионе и Галатее в

«Скульпторе» связано с разработкой сверхсюжета, присутствующего практически во всех стихотворениях книги «Сумерки»: сюжета о мудрости — побежденной или торжествующей, а также с изображением диалектики творческого процесса, где синтезируется мертвое и живое, материал и дух, чувство и мысль, пламень и холод, страсть и разум, желание и воля, труд мастера и полет творческого воображения. Вместе с тем стихотворение может рассматриваться и как пример «аллегорико-эмблематического экфрасиса», так как, по мнению докладчицы, эмблематичность лежит в основе поэтической диалектики Е.А. Боратынского как метод, помогающий понять «внутреннее» через «зримое», отвечающий его стремлению к синтезированию в литературном творчестве «материального» и «духовного», чтобы, сблизив явления, представить их в новом порядке. При всех отличиях от эмблематической поэзии XVIII в. в поэзии Е.А. Боратынского эмблема сохраняет свое значение «герменевтического инструмента», позволяющего, с одной стороны, познавать мироздание, а с другой стороны, преобразовывать поэзию пушкинской школы «гармонической точности» в поэзию иного типа, в «поэзию мысли», где каждый образ, каждое слово, подобно эмблеме, неоднозначно, чревато смыслами.

Вторую часть круглого стола открывал доклад заведующей музеем Е.А. Боратынского (г. Казань, филиал Национального музея Республики Татарстан) *Ирины Васильевны Завьяловой* **«Литературные автографы как основа юбилейной выставки «Парнасское перо» в музее Е.А. Боратынского»**. Докладчица отметила, что основой юбилейного выставочного проекта, подготовленного Музеем Е.А. Боратынского к 225-летию поэта, стало собрание литературных автографов московского коллекционера Владимира Валентиновича Волкова (1952–2008), помещенное в «Каталоге литературных автографов из собрания В.В.В.» (М.: ГУУП «Вымпел», 2004). На выставке наряду с редкими прижизненными изданиями поэта и подлинными фотографиями его друзей и знакомых (С.Л. Путята, Н.В. Путята, А.А. Закревский, А.Ф. Закревская, П.А. Плетнев,

В.Ф. Одоевский) — главными экспонатами стали автографы Боратынского: семейный альбом с напутственным стихотворением Евгения Боратынского к детям и рисунками; стихотворное посвящение С.Л. Энгельгардт на издании «Две повести в стихах. Бал. Повесть, сочинение Евгения Боратынского. СПб., 1828. Граф Нулин. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1827» и авторские правки, внесенные в текст поэмы «Бал»; инскрипт (дарственная надпись), адресованный Н.В. Путяте, на издании поэмы «Наложница» (1831 г.); личная подпись Е.А. Боратынского, удостоверяющая авторское право на экземпляре «Наложницы». Экспонировались на выставке и автографы его ближайших друзей: записанный Н.В. Путятой на издании поэмы 1826 г. эпилог к поэме «Эда», не опубликованный при жизни Е.А. Боратынского, и альманах «Северные цветы» на 1830 г. с автографической надписью А.А. Дельвига — А.Л. Боратынской. Выставка создавалась как историко-литературный комментарий к автографам поэта, и жанр выставки предполагал — как один из ключевых элементов — введение литературно-художественных текстов (комментарий В.В. Волкова из «Каталога литературных автографов», музейный комментарий, фрагменты произведений и писем поэта, воспоминаний современников и т. д.). Представленные автографы поэта известны и исследованы литературоведами, иногда по спискам, иногда с некоторыми ошибками и неточностями, но в музейном пространстве они экспонировались лишь однажды — сто лет назад, на выставке в музее-усадьбе «Мураново» в 1925 г. Автограф Е.А. Боратынского на шестой странице изящного семейного альбома Боратынских — строки из стихотворения «Н.И. Гнедичу» — экспонировался впервые.

Доклад *Елены Викторовны Скворцовой*, старшего научного сотрудника музея Е.А. Боратынского (г. Казань, филиал Национального музея Республики Татарстан) **«К вопросу о владелице альбома с автографами Боратынских из коллекции В.В. Волкова»**, по сути, явился продолжением размышлений ее коллеги и был посвящен судьбе рукописного альбома с автографами Евгения Боратынского, его жены Анастасии Львовны и их детей. Датировка

альбома Волковым опирается на две даты, указанные в самом альбоме: «Moscou 26 juli 1841» и «1852. Aout 9». В альбоме 19 автографов: 8 на русском, 9 на французском и 2 на немецком языках. Записи делались не хронологически, а по традиционному принципу третей: первая треть — старшие: родственники или друзья семьи, средняя часть альбома — для знакомых и приятельниц, последняя треть для наиболее близких друзей. Возможным владельцем альбома в каталоге Волкова указан Дмитрий Евгеньевич Боратынский, сын поэта. При более скрупулезном изучении автографов обнаружилось, что владельцем альбома была девушка. Подобные альбомы родственники дарили девочке в 10–12 лет, альбом становился спутником ее взросления. Подтверждают принадлежность альбома особе женского пола четыре автографа: А.Л. Боратынской, жены поэта, на листе № 21; неизвестной на листе № 25; Ю.Е. Боратынской, дочери поэта, на листе № 35 и Елены Боратынской (?) на листе № 37. Юлия Евгеньевна называет владелицу альбома кузиной — «...en souvenirs de ta cousine Julia Baratinsky». Докладчица поставила перед собой цель выяснить личность этой «кузины». Поиски шли по нескольким направлениям: анализ родственных связей семьи поэта, идентификация принадлежности «неборатынских» автографов (персоналии и их география) альбома, анализ визуального контекста альбома. В частности, анализ альбомных рисунков позволил уверенно атрибутировать на одном из них церковь Вознесения, построенную в 1818 году в Маре Тамбовской губернии А.Ф. Боратынской, матерью поэта, в память о муже. О той же локации свидетельствуют рисунки, на которых изображены постройки в готическом стиле. С августа 1840 по апрель 1841 гг. семейство Боратынских гостит в Маре у матушки и брата, возможно, отсюда и тянется тамбовский след, вкладываются в альбом рисунки с марскими видами. На марское окружение также указывают автографы Юлии Устиновой — Юлии Адриановны Мессинг, в девичестве Устиновой (1830–1908); Сержа Геркена — Сергея Петровича Геркена (1834–?); Елены Львовны Боратынской, урожденной Боды (1827–1862). Наконец, о принадлежности альбома к

семейству С.А. Боратынского, брата поэта и хозяина Мары в 1840–1850-х гг., указывают автографы его дочерей, Александры (1832–1902), Софьи (1835–1916), Анастасии (1836–1912) и его падчерицы Елизаветы Антоновны Дельвиг (1830–1913). В итоге докладчица приходит к выводу, что наиболее вероятной хозяйкой альбома является или падчерица Сергея Абрамовича Боратынского Елизавета Антоновна Дельвиг, или его старшая дочь Александра.

Доклад *Маргариты Вадимовны Черкашиной*, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, доцента кафедры Истории и теории литературы ИОН РАНХиГС (Москва) **«Бродский о Боратынском»** продолжил начатый в первой половине круглого стола разговор о восприятии творчества и личности поэта русскими авторами XX столетия. Тема «Бродский и Боратынский» достаточно разработана мировым литературоведением. Свидетельство тому — многочисленные статьи (см.: И.С. Булкина «Баратынский и Бродский», Е.Я. Курганов «Бродский и Баратынский», М.М. Гельфонд «Бродский как Боратынский: поэтика мифа и поэтика текста» и «неоконченная статья Бродского и Боратынском (1965): текст и контекст», Корнелия Ичин «“Запустение” Боратынского в поэзии Бродского», Т.Г. Прохорова «Опыт типологического сравнения поэзии Иосифа Бродского и Евгения Боратынского», А.В. Иличевский «Метафизика крика и метафизика плача. Евгений Баратынский и Иосиф Бродский: метафора поэт-недоносок и метафора поэт-ястреб» и пр.). Особенно пристального внимания удостоилось в связи с этим стихотворение Боратынского «Запустение» (см.: Топоров В.Н. Встреча в Элизии // *Themes and Variations : In Honor of Lazar Fleishman* (Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана) / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994. С. 197–222 и др.). Единственное, что, кажется, ускользнуло от внимания исследователей, это восклицание Бродского в связи с «Запустением» «какая потрясающая дикция», соотносимое с хайдеггеровским понятием «дикта» (обретения поэтом своей

«ситуации», или «внутреннего времени своего бытия»²), столь подробно разобранного в монографии Гуго Фридриха «Структура современной лирики» (1956) преимущественно в связи с процессом смены европейского романтизма модернизмом. Если Бродский действительно считает Боратынского первым русским «актуальным» поэтом, который «никогда не бывает субъективным и автобиографичным в привычном смысле» (а основания к тому есть, если судить по его коротенькому «Предисловию к русской поэзии XIX века»), то тогда он вписывает русскую поэзию в европейскую именно с Боратынского, приписывая поэту гораздо более модернистскую повестку («в России никогда не было более аналитического лирика»), чем принято считать.

Доклад *Сергея Вениаминовича Сапожкова*, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН им. А.М. Горького **«Роман О.А. Ильиной-Боратынской «Канун 8 дня» как «семейная хроника» рода Боратынских: проблема жанра»** был посвящен творчеству правнучки поэта, Ольги Александровны Ильиной (1894–1991), проза которой сегодня прочно ассоциируется с культурным и литературным контекстом первой волны русской эмиграции в США (в 1923 г. Ильина вместе с мужем и сыном прочно обосновалась в Сан-Франциско и прожила здесь до конца своих дней). На уяснении некоторых важных творческих связей писательницы с ее литературным окружением в Сан-Франциско, до сих пор не ставших предметом внимания литературоведов, и были сосредоточены усилия докладчика. В частности, С.В. Сапожков обратил внимание на «Литературно-художественный кружок» в Сан-Франциско, в который входила Ильина, а также на общественно-литературную программу его руководителя Андрея Павловича Ющенко (1897–1957). Выстроенная им аргументация связывала проблематику первого значительного эмигрантского произведения Ильиной, романа «Канун 8 дня» (начат в 1929 г., опубликован на английском языке в Сан-Франциско в 1951 г.; авторский русский перевод романа опубликован

² О чем пишет А. Ранчин в монографии «Ради речи родной, словесности»: О поэтике Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 504 с.

посмертно, в 2003 г.), а также специфику воплощенной в нем жанровой модели «семейной хроники» с мировоззренческими интенциями, характерными для участников кружка. Немалое впечатление на Ильину (о чем она поведала в своих воспоминаниях) также произвели эстетические взгляды самого Ющенко, изложенные в его ранних историко-литературных трудах («О поэзии Гумилева», 1923; «Пророческий дар русской литературы», 1926). Прослеживая их влияние на автора «Кануна 8 дня», докладчик приходит к выводу о том, что жанр «семейной хроники» в творчестве Ильиной имеет явную тенденцию к расширению и универсализации таких его опорных жанровых констант, как «семья» и «род». В хронику включаются элементы эпической картины мира. Само же понятие «хроники» от узкого значения «история семьи» эволюционирует в сторону «сакральной истории всего человечества», в которой «хроникер» уже мыслит себя не столько продолжателем дел своих предков, сколько продолжателем дела Творца по преобразению мира. Соответственно, на первый план выходит метафизическая установка жанра, в центре которой жизнетворческие усилия героев (и тесно с ними связанные компоненты жанра «романа воспитания»), сам же тип хроникального повествования имеет тенденцию к синтезу с другими видами искусств, в частности, с музыкальной оперой.

Завершали программу круглого стола доклады старшего научного сотрудника Музея-заповедника «Усадьба “Мураново”» *Владимира Владимировича Пацюкова «Провиденциальная эсхатология в творчестве Боратынского»* и старшего научного сотрудника Музея-заповедника «Усадьба “Мураново”» *Екатерины Аркадьевны Потаповой «Два стихотворения Боратынского о бедном друге»*.